

An impressionistic painting of a forest path. The scene is dominated by birch trees with characteristic white bark and dark, intricate branch structures. The ground is a mix of brown, green, and grey tones, suggesting a path covered in fallen leaves and grass. The overall style is textured and expressive, with visible brushstrokes and a rich, somewhat muted color palette. The sky is a dark, overcast grey, adding to the atmospheric quality of the scene.

Элеонора Кременская

ПЬЯНАЯ РОССИЯ

Том
второй

Элеонора Александровна Кременская

Пьяная Россия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10254516

ISBN 9785447410742

Аннотация

Второй том «Пьяной России» начинается фантастическими «Гениями», а заканчивается мистическими историями, перемежающимися с рассказами из жизни реальных людей. В том входят не придуманные «Записки о Терпелове», трилогия «Ангелы» и уже ставшие знаменитыми фэнтези «Воины Сатаны», где дается возможность поразмышлять над поступками не только людей, но и, как это ни странно, ангелов...

Содержание

Гении	5
Вместо предисловия	5
Вступление	7
Алексашка	8
Воители	12
Кока	19
Мила	24
Магик	30
Начало	34
Щит	41
Богдан	44
Нападение	51
Телепортация	54
Дракон	59
Гении	63
Воины Сатаны	75
1	75
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Пьяная Россия
Том второй
Элеонора Александровна
Кременская

© Элеонора Александровна Кременская, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Гении

Вместо предисловия

– Гений! – говорят ценители изобразительного искусства и вздыхают, с завистью обсуждая шедевр новоявленного мастера.

– Гений! – произносят театралы, с восхищением глядя на игру великолепного артиста, и аплодируют стоя.

– Гений! – комментируют любители спорта и толпой преследуют выдающегося футболиста.

– Гений! – констатируют врачи и опускают руки перед грандиозным хирургом, проделавшим невероятно сложную операцию.

Так кто же они, гении? Откуда берутся эти чудо-люди? И почему в обычной семье рабочих и крестьян рождается вдруг ребенок с такими музыкальными способностями, что ого-го! И почему в семье спившихся ленивцев рождается ребенок с математическим талантом? Да, много еще можно приводить примеров, когда вроде бы по всем фактам, когда наследственность и генетика должны были сыграть роль, но не сыграли и вместо армии дебилов, мы получили армию гениев! Что это? Ошибки ангелов или намеренное издевательство, а, мол, поглядим, как ты, его величество гени-

альность выберешься из семейки ограниченных, тупейших людишек, вся жизнь которых в том только и заключается, как бы брюхо себе набить, престарелых родителей на тот свет загнать и квартиру забрать, а после лежать, полеживать да бока наращивать под треск и болтологию телевизионных мыльных опер?! А, ну-ка, поглядим, позабудемся, как гений выберется из этакой передраги? Но, почему? Почему именно к гениальным людям применяются столь жесткие меры, что в них особенного? Может, крылья за спиной? Вроде бы, не видать. Может, нечто не от мира сего, отличающего гения от человека, как отличает, скажем, великий рост слона от маленького муравья? А, может гении в большинстве своем и не люди вовсе, а ангелы? Да, да, те самые, шатающиеся и не могущие выбрать, с кем они, с Богом или Сатаной? Не желающие идти войной против собственных братьев и избравшие, таким образом, особенно сложный путь – путь людей, как известно предавших Бога и оказавшихся в ужасающих условиях земного бытия. Некоторые гении, по секрету вам скажу, даже считают наш мир ответвлением геенны огненной, первым кругом геенны, с чем вас активно и поздравляю!

Вступление

Мир затаил дыхание, один – единственный мальчик остановил страшной силы ураган, разразившийся над Черным морем и грозивший смертью многим людям населяющим крымский полуостров. Мало того, остановил и исчез, едва эксперты по сверхъестественным явлениям занялись им. Вскоре к экспертам подключились спецагенты из службы связанной с государственной безопасностью. Мальчика повсюду искали, тем более выяснилось, что людей с такими способностями хватало. На гениев спецагенты принялись натекать повсюду...

Алексашка

Фиолетово-темные тучи раскололись зигзагами молний. Многоголосый грохот упал на голову, завопившего от страха маленького худенького человечка. Сильный ветер подхватил капли дождя, ударил в лицо. Завывая, человечек ужом залез под развесистые заросли душистой сирени и замер, поскуливая.

Двое наблюдателей, сидевших в черном автомобиле с тонированными стеклами, переглянулись. Один с сомнением в голосе произнес:

– Мне кажется, это просто сумасшедший!

Второй не согласился:

– Гений, а гении на то и гении, чтобы быть не похожими на нас, простых смертных!

С этими словами он вышел из машины и направился к укрытию человечка.

Вскоре, трус оказался в автомобиле. Безропотно, маленький человечек дал себя пристегнуть к сидению и только сильно вздрагивал при очередном ударе грома.

Наконец, автомобиль тронулся с места, и тут же в лобовое стекло врезалась молния, прошла насквозь и убила, вначале, одного за рулем, затем второго. Произошло это в доли секунды.

Но маленький человечек успел крепко зажмуриться и на-

прячась. В следующее мгновение в автомобиле вспыхнули неведь откуда взявшиеся гудящие и шипящие огни нескольких шаровых молний. Молнии неторопливо бились о невидимое препятствие, возникшее было на пути к маленькому человечку. Жертва их нападения сидела неподвижно, напряжение, царившее в автомобиле усиливалось и тут распахнулась дверь, в мгновение ока некие сильные руки расстегнули ремень безопасности, выдернули маленького человечка наружу и захлопнули перед метнувшимися было молниями, дверь. Шаровые молнии попытались пройти сквозь обшивку автомобиля, но не смогли. Силовое поле, возникшее в салоне, принялось сжиматься, сгоняя шары в одну гудящую и трещащую кучу. Через мгновение молнии под давлением, взорвали сами себя. Машина загорелась, трупы обоих наблюдателей скрылись под ярким пламенем.

Маленький человечек был уже далеко, он почти летел за крепкой фигурой костистой старухи.

– Сколько раз тебе говорить, – сердито орала старуха, – никогда не связывайся с ангелами!

Маленький человечек молчал, быстро перебирая в беге ногами.

– Мы сами по себе, они сами по себе! – негодовала старуха.

Она втолкнула человечка в двери одноэтажного кирпичного дома и встала, напряженно раскинув руки.

Молния не заставила себя ждать, ударила вблизи дома, по-

сле, сияющим зигзагом попыталась ударить в двери, но была отброшена силовым полем.

Старуха запела, низко, басовито. Человечек после недолгих раздумий, к ней присоединился. Совместный хор сделал свое дело. Силовое поле разрастаясь, пошло вверх, к тучам. Люди пели, тела их раскачивались в такт ритмам. Голоса от низких, переходили к высоким, маленький человечек тут преуспевал, пел почти на ультразвуке. Напряжение нарастало, силовое поле выжимало тучи. Через несколько минут усиленный ливень прошумел по земле и стих. Небо очистилось, тучи исчезли, уступив белоснежным облакам.

Старуха стремительно распахнула дверь, с наслаждением вдохнула воздух. Пронзительно пахло свежeweымытой травой и мятой.

– Отбились! – весело бросила она маленькому человечку.

Человечек кивнул, потер лицо, усиленно заморгал.

Старуха заметила его состояние.

– Устал? Ничего! Быстро восстановишься!

Маленький человечек не ответил, а вышел на крыльцо, приложил ладонь козырьком ко лбу и недоверчиво оглядел сияющее небо.

Старуха обнадеживающе ему улыбнулась, протирая запотевшие в безумных действиях, очки.

– Авось, внучек, теперь ангелочки посчитают тебя убитым и забудут проверить, в каком мире, ты на самом деле!

– Авось! – понадеялся он.

– Ну, а те двое, кто такие? – вспомнила старуха про двух мужчин погибших в автомобиле.

– Люди в черном, – мрачно отозвался внук выглядевший, как обычный подросток пятнадцати лет, – охотники за головами гениев.

– Да ну? – удивилась старуха.

– Вот тебе и ну, – передразнил маленький гений, – так что ангелы вернутся, новые люди в черном наведут их на мысль обо мне!

– Есть же поговорка: «Не трогай болото, пока не воняет!» – сердито вскрикнула старуха.

– Уехать мне надо! – с тоской в голосе произнес мальчик. – Прыгнуть!

– Вместе прыгнем! – решила старуха. – Пошли собираться!

– Алексашка! – позвала она из дома. – Вещей возьми немного, прыгнем к родне, в Туву!

– В Сибирь поедем? – переспросил Алексашка.

– В Сибирь конечно, брат, Богдан сильнее меня, небось, поможет нам спрятаться, да и сестра твоя двоюродная, Мила, говорят в страшную силу вошла!

Воители

Родной дядя Алексашки, Богдан не всегда жил в Туве, был момент его жизни отшельничества в качестве лесника в дремучей тайге, на севере России.

Алексашка с бабушкой приезжали тогда к нему в гости. Они составляли колоритную компанию. Бабушка Алексашки стоически выдерживая удары судьбы, растила внука сама, зять ее спился и перестал походить на человека, пропал где-то на Кавказе, куда бежал от семейных передраг, за новыми, так сказать, свежими ощущениями. Мать Алексашки, как это часто бывает в колдовских семьях, отреклась от дьявола, бросила сына и сбежала в монастырь, где через месяц послушничества приняла постриг и другое имя, мужское. Тут надо сказать, в женских монастырях инокини и монахини нередко откликаются лишь на мужские имена, правда, несколько переделанные, такие, как «Серафима», «Константина», «Павла». Таким образом, считают монахини, они прячутся от происков дьявола, не соображая, что дьяволу, в принципе, нет никакого дела до каких-то там монахинь...

Алексашка бывал в монастыре и вглядывался в осунувшееся, потемневшее лицо матери. Неистово молящаяся, мать была неузнаваема. Куда подевалась ее веселость, озорство, когда она, будто девчонка, играла с сыном в прятки. А как она прыгала через скакалку, как заразительно смеялась, рас-

качиваясь на качелях!

Мать, вся в черном, встречала сына в обыкновении у ворот монастыря и торопливо перекрестив волокла за собой, в церковь. После долгих коленопреклоненных молитв, она со слезами на глазах, уговаривала Алексашку отречься от Сатаны.

– Почему? – спрашивал тогда Алексашка.

– Он злой! – редела мать.

– Нет, – вспоминая спокойную самодостаточную личность Сатаны, которого, к тому времени, Алексашка, как и всякий колдун из сильного рода, видел уже не раз, не соглашался он и добавлял, наблюдая ее тревожное состояние, – я поговорю с ним, обещаю, я добьюсь, и он тебя отпустит!

Мать смотрела сквозь пелену слез.

А Алексашка, покидая монастырь, куда приезжал за тридевять земель, навещать мать раз в месяц, шагая по вытоптанной паломниками тропинке к полустанку, думал, с ожесточением в сердце, что слабых, никчемных колдунишек и ведьм надобно отпускать. Слабые вообще не должны получать силу рода, они либо обезумеют, либо разбазарят свою силу так, что их детям нечего будет наследовать.

После нескольких упорных попыток прорваться к Сатане, Алексашка все же добился справедливости, доказал Князю мира сего, что его мать глупа и Владыка снисходительно улыбнувшись на заступничество сына, отпустил инокиню с миром.

Однако, когда окрыленный победой, Алексашка примчался к монастырю, он даже за ворота не смог зайти. Материализовавшийся невесть откуда, Страж принявший облик высокого монаха встал на пути сына к матери.

– Но она моя мать! – попробовал было возразить Алексашка.

Страж молчал, сверкая глазами, и медленно наступал.

Опасаясь, как бы, не разгорелась битва ангелов, которая, как правило, ведет к разрушению и смерти множества людей, Алексашка отступил. Издалека он крикнул растерявшейся матери, застрявшей в воротах:

– Я буду тебе писать!

И видя, что страж положил руки ей на плечи, удерживая на месте, не давая подбежать к сыну, посоветовал:

– Не сопротивляйся! Не надо!

Отвернулся, чтобы мать не видела его слез и разрыдался. Плача, он припустил к полустанку, где сел на электричку, забился в угол последней скамейки и плакал, беззвучно роняя слезы в рукав куртки, уткнувшись так, чтобы другие пассажиры не приставали с вопросами. Через два часа, Алексашка бросившись в объятия бабушки, все ей рассказал.

И бабушка засобиравлась. Это было первое бегство от ангелов Бога.

– Так ты утверждаешь, страж тебя видел? – сердилась бабушка, упаковывая вещи в старый потрепанный чемодан.

– Он смотрел мне в глаза! – вспоминая тяжелый блестя-

щий взгляд исподлобья, которым одарил его Страж, воскликнул Алексашка.

– Это война! – заявила бабушка, останавливаясь посреди избы, жестом зануды поправляя очки на носу. – Видит дьявол, моя дочь всегда была туповатой, в школе училась плохо, стихи не запоминала. Бесы нашего рода ее жалели и никогда не показывались ей в истинном виде.

– Как же она с ними общалась? – удивился Алексашка.

– Прикидывались кошками, – ответила бабушка, со вздохом, – у нас в доме мяукало тринадцать кошек!

Алексашка расхохотался, живо представив себе эту картину.

– Бесы играли с ней, забирались на крыльцо дома, поджидая из школы, притворялись промокшими и озябшими котятами. Всех, представь себе, всех, она тащила в избу! – и бабушка презрительно фыркнула. – Бесы вынуждены были оборачиваться кошками, птицами, собаками, даже детьми, лишь бы охранять ее, наследницу рода, наследницу силы, а она вон как их отблагодарила, в монахини подалась, идиотка!

И бабушка плюнула на чистый пол.

В тот же день, они рванули к дяде Алексашки, сильному колдуну, Богдану.

Богдан жил, как это уже и говорилось выше, отшельником, но все же не совсем отшельником, потому как дочь Мила была тут же, при нем.

Мила, будучи старше Алексашки на два года росла веселой и легкой. Она, словно пушинка, взлетала кверху и через мгновение насмешничала над двоюродным братом с верушки сосны.

– Как ты это делаешь? – недоумевал Алексашка.

Мила учила:

– Забудь про вес тела, вымести его куда-нибудь!

– Куда? – торопливо спрашивал Алексашка.

– К облакам! – лукаво шурилась Мила и советовала, – закрой глаза, сосредоточься, вымести вес и взлетай, а ветки сосны тебе помогут на первом этапе.

Алексашка бился месяц, через месяц упорных тренировок задача была решена, он научился вымещать вес тела за пределы Земли, научился перелетать от сосны к сосне.

Часто, они с Милой играли, выстраивая воображаемую широкую лестницу с перилами. Лестница вела к небу, к белоснежным пушистым облакам.

И тогда сторонний наблюдатель был бы поражен необычайным зрелищем. Двое детей, под веселое чириканье птиц, азартно прыгали, забираясь все выше и выше и все это, в прозрачном воздухе!

Достигнув облаков, легко сбегали вниз, опять-таки, как бы по ступеням лестницы, изредка, правда, они задерживались у верхушек кедров, чтобы нарвать шишек полных кедровых орехов. Отец Милы любил растолочь кедровые орехи в ступке и после, перемешав с медом лесных пчел,

ел вместо конфет, частенько запивая крепким настоянным на травах, горячим чаем.

Иногда, им вслед неся крик бабушки:

– Не поднимайтесь выше облаков, там нет щита!

Щит поставил колдун. Богдан умел создавать щиты да такие, что сильные дожди с грозами обходили его избушку стороной.

Используя щиты, Богдан приманивал зверей и кормил диких волков с рук. За ним бежали и летели все звери, птицы лесные.

С помощью птиц он знал происшествия в округе. Нередко, первым прибывал на лесной пожар, первым спасал заблудившегося грибника, выхаживал раненых животных, а на браконьеров насылал такой морок, что браконьеры могли проплутать не сходя с места несколько дней и ночей. А после, повредившиеся в уме, рехнувшиеся от ужасных видений, браконьеры отпущенные на свободу, вылезали на четвереньках из леса. Люди находили их невменяемыми и абсолютно безумными.

В округе говорили, будто колдун заставляет браконьеров с помощью морока переживать минуты, а порой и часы страха, когда жестокий охотник преследовал беззащитную зверушку, с той только разницей, что на место зверушки он ставил самого браконьера...

Алексашка спасался у дяди все лето и осенью решил вернуться, полагая, что ангелочки уже позабыли о его существо-

вании, бабушка поддержала внука, лишь Богдан был против:
– Учись держать щиты! – говорил он Алексашке. – Тогда сможешь выжить!

Алексашка кивал и обещал. В последующие дни, недели, месяцы и годы он прилежно учился, донимая ведущих рода, нескольких сильных демонов вопросами о щитах. Скупые крупицы информации, что он получал от ангелов сатаны, Алексашка использовал в полную силу, что-то дополняя, что-то преобразовывая, с матерью он больше не виделся, не решался съездить и таким образом, напомнить о себе Стражу монастыря. Письма писал редко, мать ему почти не отвечала, а с маниакальной тупостью присущей всем фанатикам Бога без исключения, в каждой открытке, в каждой строчке напоминала сыну о необходимости отречения от дьявола, забывая, что именно дьявол ее и отпустил...

Кока

На самом деле его звали Костя. Прозвище Кока прицепилось с детства и перешло во взрослую жизнь благодаря усилиям трех старших братьев. С братьевьями у Коки не заладилось с самого начала. Они – крепкие, мускулистые парни с запросами сексуально-озабоченного свойства посвятили свою жизнь поверхностным бравадам, а он, болезненный, щедедушный писал стишки в тоненькой тетрадке. Тетрадку прятал в кладовке, где посреди старых вещей наполненных пылью, она и хранилась, недоступная для братьев-чистюль.

Братья начищали ботинки до зеркального блеска и лачили волосы маминым лаком для волос, а он дотаскивал ненужные им, растянутые в гимнастических упражнениях футболки и спортивные штаны.

Он читал книжку со стихами Есенина, и его братья строили насмешливые рожи:

– Наш Кокочка влюбился!

Он засиживался за уроками, и братья напевали, стоя у него за спиной:

– Наш Кока – гений, профессор кислых щей!

Братья, один за другим, они были погодками, отслужили в армии, а Коку не взяли. Медицинская комиссия завернула его безо всяких оговорок домой с вердиктом: «Негоден к службе!», что дало новый повод для насмешек братьев.

Братья, помогая друг другу, организовали семейный бизнес, втянули в этот бизнес родителей, построили большой дом на четыре семьи, женились. Кока сидел в сторонке, наблюдая за жизнью родственников. Ему отписали старую родительскую квартиру.

Кока остался один и прожил один, никем не потревоженный, целый год.

На день рождения, покорный своей судьбе, Кока купил маленький торт, съел его в глубочайшем одиночестве, взобрался на перила балкона, безразлично поглядел в небеса и... прыгнул.

Земля приближалась слишком быстро, Кока зажмурился, напрягся, не желая удара и... взмыл кверху. Через секунду он обнаружил себя стоящим на перилах балкона. Осторожно слез, потер лоб, не в состоянии объяснить самому себе, что произошло, вернулся в квартиру, прилег и проспал без сновидений до самого утра.

А утром поехал к родне. Особняк, что выстроили братья, красовался красной черепицей и в целом сильно выделялся на фоне облезлых избушек вокруг.

Кока заглянув в окно особняка, с трудом поверил собственным глазам, новомодный дизайн в такой дыре?

Комната, в окно которой он заглянул, сверкала хиповыми штучками, присущими новому времени: белые обои без рисунка; легкая пластиковая мебель красного цвета; круглые табуреты и стулья из алюминия и пластика; ровный лами-

нат на полу; плоская панель плазменного телевизора, подвешенная на стену – все словно говорило о ненадежности современного бытия, где принято сидеть на неудобной мебели и носить неудобные, но такие модные джинсы, подчас едва удерживающиеся на бедрах.

Коку укусил комар, следом за первым присосался и второй, третий. Повеял ветерок и до кокиного носа донесся запах свежего коровьего навоза, как видно неподалеку располагалась ферма.

Загремела цепь, проснулся цепной кобель, вылез из будки и, обнаружив непрошеного гостя, застывшего у окна, бросился, рыча.

Кока удрал. Он бежал через заросшие бурьяном поля, куда глаза глядят. Бежал, пока не наткнулся на деву.

Озадаченно взглянул на нее:

– Ты – ангел?

Дева звонко рассмеялась. Но воздушные белокурые волосы, небесно-голубые глаза и белое, длинное платье отороченное кружевами сами за себя говорили.

Ангел собирала букет из полевых цветов. Кока тупо следовал за ней повсюду. Ангел привела его в простенький деревянный домик, где ступеньки крыльца потрескались и из щелей выросла крапива.

– Хорошо хоть репейников нет! – пробормотал на увиденное, Кока.

Присев на скамью в тени вишневого дерева Кока пригу-

бил чай со смородиновым листом. В воздухе чувствовалось прохладное дыхание надвигающегося дождя. Усиливающийся аромат садовых цветов и трав подтверждал это впечатление, но несмотря на угрожающего вида тучи нависшие, казалось, над самой головой, Кока никуда не торопился.

– А я летать умею! – похвастался он.

Ангел взглянула недоверчиво. Кока встал, распахнул руки, зажмурился и пожелал оказаться на верхушке вишневого дерева. Открыв глаза, он обнаружил себя стоящим на крепкой ветке, на самом верху. Ангел восторженно аплодировала...

И тут, кто-то стремительно налетел на него, практически мгновенно сбросил на землю, у самой поверхности, правда, затормозив.

– Ты что, – сердито зашипел на Коку маленький ростом, щуплый с виду, подросток, – ангелы же заметят!

И он со страхом оглянулся на громоздящиеся тучи. Рядом с юношами переминалась старуха:

– Скорее Алексашка, пойдем, может, ему не нужна наша помощь, может, ему смерть нужна!

Кока взглянул на деву, но ни девы, ни домика он не увидел:

– А где?.. – растерялся он.

– Что? – резко спросил Алексашка, пристраивая обратно на спину тяжелый рюкзак.

– Ангел! – и Кока коротко рассказал.

Вместо ответа, его новые знакомые бросились бежать, Коке ничего не оставалось делать, как последовать за ними, хотя бы для того, чтобы получить ответы на возникшие было вопросы.

Далеко от места событий, люди, с официальными лицами получив распечатку фотоснимков со спутника-шпиона, задумчиво переглянулись.

– Прямо, эпидемия какая-то, гениев-то развелось, – пробормотал один из людей в черном, – пристально разглядывая выражения лиц летающих мальчишек.

Мила

Не прошло и часа, как на новом месте работы она приобрела невиданную популярность. Молодые мужчины так и вились возле ее стола, женатики строили глазки, как бы невзначай оказываясь в углу огромного офиса, где она обитала, а пожилые сластолюбцы одаривали ее маслянистыми улыбочками.

Но всех обошел начальник отдела. Быстрыми, твердыми шагами он подошел к ней, нагло пригласил на обед. Она растерялась, промямлив согласие.

Начальник привел ее в кафе, маленькое, сиреневое заведение с круглыми деревянными столиками на которых лежали ноутбуки и планшеты, и посетители не замечая хода времени уткнулись в экраны смартфонов.

– Здесь, бесплатный интернет! – пояснил ей начальник.

Она растерянно огляделась, не находя свободных мест, но бойкий расторопный официант, подскочивший к ним, быстренько вытряхнул парочку развалившихся за планшетами подростков и успевая шипеть рассерженным змием на возмущенных геймеров, одновременно улыбался лучезарной улыбкой новоприбывшим. Ловко обмахнув белым полотенцем безукоризненно чистую столешницу, изогнулся, услужливо подавая меню.

– Что будете заказывать? – готовый записывать, официант

уже достал блокнотик и ручку.

С огромным трудом она подавляла желание раскрыть рот от изумления, впервые она оказалась не то что в кафе, но впервые приглашена на обед мужчиной да еще каким мужчиной, начальником! Надо же какой успех и в первый день работы!

Он, между тем, заказал тарелку борща, пюре с сосисками и кружку пива. Она выбрала летний салатик и стакан яблочного сока.

– Только не говорите мне, что вы – вегетарианка! – воскликнул он. – Мила вы милы!

Она кокетливо рассмеялась.

– Кстати, мы так, толком и не познакомились, – не сводя с нее алчного взора, заявил он, – в офисе я начальник – Эдуард Петрович, но для вас Милочка просто Эдик!

Она польщено хихикнула.

Он восторженно присвистнул.

– Что? – поежилась Мила, чувствуя себя неуютно под взглядом двух геймеров, приваливших к стене. Подростки явно ждали, когда они отобедают и уберутся прочь, чтобы вернуться на свое место.

– И имя у вас красивое! – влюблено глядя на нее, пролепетал Эдик.

«Ах, какая женщина, какая женщина, мне б такую!» – неустанно мурлыкало у него в голове.

Потрясающая всякое воображение красавица с безупреч-

но белыми длинными волосами, струящимися по прямой спине. С такими стройными ногами, обутыми в маленькие хорошенькие туфельки, что и, боже ты мой! А тонкая талия, а шикарный бюст! Во взгляде ее темно-зеленых преисполненных печали глаз, ему хотелось утонуть.

Повинуясь некоему вдохновению, Эдик сорвался с места. – Я сейчас, ладно?

Она кивнула, потерянно наблюдая в окно кафе, как он бежит к соседнему магазину – цветочному.

Ее скромность только подстегивала его, в мыслях роились надежды, а может при такой-то красоте, да еще и домашняя девушка? Домашних девушек Эдик встречал, но они не были столь ошеломляюще красивы, скорее наоборот. И его ухаживания с последующей близостью (для чего же еще ухаживать?), они воспринимали как подарок Небес. Во всяком случае, в последнем он был полностью уверен.

Эдуард знал себе цену. Молодой, тридцати лет от роду, подтянутый, стройный, высокий брюнет с холодным циничным взглядом карьериста привыкшего взбираться к своей цели по плечам друзей и недругов. Он был холост и не собирался жениться вообще, а зачем, если девки сами прыгали к нему в койку? Одни, от вида его шикарной иномарки, другие, потому что мечтали его охомутать, как же, трехкомнатная квартира в центре города, автомобиль, загородный дом, престижная работа с хорошей зарплатой! Да, он был завидным женихом и без зазрения совести пользовался этим.

Покупая шикарный букет белых роз, Эдик весь трясся от любопытства, кем же окажется Мила? К какой категории женщин она принадлежит и не мог пока найти подходящего ей определения.

Мила, покорно, будто неизбежную кару, приняла букет.

Подростки, наконец-то дождались, когда двое придурковатых освободят их столик.

Провожая взглядом странную парочку, они вслух высказали недоумение по поводу сексуально-озабоченного поведения вроде бы не чокнутого мужика наворачивающего круги возле жирной, не красивой девахи с жидкими пепельно-русыми волосами.

Их обоих пока еще не особенно увлекали девушки, они предпочитали мир виртуальной реальности настоящему миру...

Дома, Мила перевела дух и внутреннее напряжение, которое сковывало всю ее на протяжении целого рабочего дня, наконец, отпустило. Она стала сама собой.

Прошла в свою комнату, неторопливо переделалась, и не глядя на себя в зеркало, причесалась.

На кухне сполоснув под краном большую чашку с уродливым цветком на боку, поставила кипятиться чайник. Цветок напомнил ей о букете белых роз позабытых в прихожей.

Она усмехнулась своим невеселым думам, первый букет за всю жизнь, жизнь в восемнадцать лет, как не забыть!

Из шкафа достала пыльную вазу, вымыла под струей хо-

лодной воды. Розы пришлось обрезать, но укороченные наполовину, они все равно смотрелись непревзойденно.

Мила поставила вазу с цветами на середину обеденного стола. В этот момент в дверь требовательно позвонили:

– Это откуда же такое диво? – кивнул на розы через минуту отец.

– Ухажер подарил! – не задумываясь, тут же ответила Мила.

– Ну да? – хохотнул отец. – Воспользовалась маской?

– Нет, папочка, круче, использовала щит, – улыбнулась Мила, – правда, вроде бы двое подростков меня видели.

– И устроилась в мужской коллектив? – уточнил отец.

– Да, – подтвердила Мила, – ни одной женщины, никто не видит, не заинтересованных нет. Мужчины все сплошь молодые, гиперактивные, одним словом, самцы. А букет мне подарил начальник!

Продолжала хвастаться она. Отец вдруг нахмурился, прислушиваясь к чему-то:

– Мила, дочка, – начал он.

Мила встревожилась:

– Ненавижу, когда ты так говоришь, что случилось?

– К нам родственники приехали, вон, сейчас по лестнице поднимаются, проблемы у них.

– Какие проблемы? – уже идя открывать, спросила Мила.

– Ангелы их преследуют, придется строить максимальную защиту, – вздохнул отец.

Мила открыла двери, когда Алексашка как раз поднялся на площадку перед квартирой. Следом шла его бабушка, ведя за руку Коку.

– А это у нас кто? – спросил Богдан, отец Милы, с удивлением разглядывая Коку.

– Кока, – коротко доложил он, – вернее Костя.

И покосился смущенно на Милу.

– Разберемся, – кивнул Богдан и подмигнул дочери, вновь превратившейся в сногшибательную блондинку.

А Мила в свою очередь улыбнулась обалдевшему от встречи с потрясающей всякое воображение красавицей, Коке.

Магик

– Ни за что не поверю! – покачала головой строгая на вид тетка лет пятидесяти. – Не родной ребенок, как можно было решиться на такое?

Дело происходило в скромной двухкомнатной квартирке провинциального городишки России.

Двое взрослых, мужчина и женщина, загнанные в угол кухни теткой, стояли, тесно прижавшись, друг к другу и мычали нечто невразумительное в свое оправдание.

– Ну и что, подумаешь – бесплодны! – фыркнула тетка. – Жили бы себе, многие живут, ни детей, ни домашних животных – красота!

И тут она развернулась к нему, схватила за руку:

– Ну-ка посмотрим, что ты есть такое?

Он поморщился от боли, но промолчал, тетка продолжала сдавливать его руку длинными цепкими пальцами.

– Фи, – скривилась она в презрении и зацокала языком, выражая свое неодобрение, – худющий, бледный, а может и больной. Вы на инфекции его проверяли?

Двое промычали нечто невразумительное.

– Ну да, – не поверила тетка, поди-ка сын алкашей, а то еще и рецидивистов. Вырастет, зарежет вас во сне, а квартиру себе захабает!

Двое промычали нечто отрицательное.

– Знаю я вас! – прикрикнула тетка и двое мгновенно, покорно сникли.

Тетка, наконец, отпустила его руку, села нога на ногу, продолжая его оглядывать, набила табаком трубку.

Один отделился от другой и почтительно склонившись, поднес горящую спичку к ее трубке.

– Ну и кто же ты таков будешь? – спросила тетка.

– Я? – переспросил он и ответил уверенно. – Гений!

Тетка немедленно фыркнула. Ее щеки затряслись от безудержного веселья:

– Гений! Ой, держите меня! – хохотала она.

Он невозмутимо смотрел на нее.

Отсмеявшись, она вытерла тыльной стороной ладони слезы, невольно выступившие от продолжительного смеха и спросила, не скрывая иронии:

– И в чем же твоя гениальность?

Он, без слов, протянул вперед ладонь и тут же осыпал тетку золотыми монетами.

– А, фокусничаешь! – разочарованно протянула тетка, но монеты подобрала.

Он проследил, как золото исчезло в бездонных карманах теткиного пиджака. В углу, двое хранили напряженное молчание.

– Ну ладно, – встала тетка, – поиграли и будет!

– Отправляйте, вы, этого, – кивнула она на подростка, – сироту, обратно в интернат!

– Нет! – тихо выговорил он.

– А тебе вообще никто права голоса не давал! – заверезжала тетка и повернулась, к двоим. – Выбирайте либо он, либо квартира!

И ехидничая, показала фигу юноше:

– Что, съел? Я тут хозяйка, квартира моя, а они, – кивнула она на двоих, – всего лишь квартиранты и мне каждый месяц платят! Иные и зарплаты-то такие не получают, сколько они мне платят! Даром, что ли моя сестра родная, будет жить на моих законных квадратных метрах?

– Пошла вон! – четко выговорил он.

И когда ее закрутило, заповорачивало, когда невидимый вихрь понес ее к выходу, он быстро проговорил:

– И дорогу сюда забудь, а как вспомнишь, снова забудь! И сестру свою грабить не смей, не смей с родных людей деньги требовать, а как захочешь ограбить, так память у тебя и отшибет на веки веков!

Тетка, было, раскрыла рот, заходясь в беззвучном крике, забилась, в попытке сбросить колдовство, но была безжалостно выкинута, вытолкнута из квартиры, из подъезда и опомнилась только возле собственного дома, за тридевять земель, на той стороне города. Перевела дыхание, огляделась, ничего не соображая и машинально двинула в располагавшийся по соседству продуктовый магазин. Набрал покупок, рассчитываясь на кассе, полезла по привычке в карман пиджака, где хранила мелочь, вытащила на свет божий при-

горшню золотых монет.

Ничего не понимая, долго глядела на диво дивное, пока взбешенная ее поведением очередь, застрявшая на подходе к кассе, не разразилась криками:

– Долго еще пялиться будешь?

– Набрала желтых кругляшек и тупит, смотрит!

– Плати и уходи!

Она расплатилась обыкновенными деньгами и, спрятав золотые монеты обратно в карман, пошла, приседая от страха и недоумения. Множество вопросов роилось у нее в голове, но ноги сами принесли к лавке антикварных ценностей, где уверенный в себе знаток древностей, разглядев монеты, твердо заявил:

– По десять долларов за штуку и ни цента больше!

Обмен тут же состоялся и она, чрезвычайно довольная добралась до своей квартиры, где в заветной шкатулке уже хранились кое-какие деньжата. Запирая неведомо откуда взявшееся счастье в виде ценных зеленых бумажек, ликовала и было подумала о своей сестре, которую всегда считала простофилей, а не позвонить ли ей по телефону, похвастаться? Но тут же отчего-то и позабыла, пошла набивать трубку табаком, чтобы покурить всласть. То, что она сдает квартиру родной сестре, она и не вспомнила, и это являлось очень хорошим знаком для нее, что, впрочем, она и не поняла вовсе...

Начало

Магик родился в крестьянской семье. Родители его не были колдунами, но мать разговаривала с растениями, обихаживала вишневые сады, что принадлежали совхозу. Отец у Магика выучился на комбайнера и куда как лихо управлялся с пшеницей, овсяными полями и прочими зерновыми культурами. Родители его любили русскую землю, любили природу, в лес ходили, как к себе домой и невдомек им было, что в их семье родился необычный ребенок, Магик.

Заприметил мальчика колдун, что жил на отшибе села. В каждом селе, в каждой деревушке должно быть можно встретить такого колдуна.

Держался он холодно и надменно. Серые глаза будто бы металы в сторону селян ледяные стрелы, тем не менее, к нему шли погадать на судьбу, приворожить, вылечиться, обращались за удачей, а иногда, хотели отомстить обидчику.

Колдун не всем потакал, многим отказывал. Магика, не без труда, он заманил сам, для разговора, но войдя в крепкую бревенчатую избу колдуна, мальчик сразу заметил непорядок:

– Ты поклоняешься Сатане, как божеству? – изумился Магик, оглядывая алтарь сооруженный колдуном прямо в гостиной дома.

– Да! – прижал он руки к груди.

– Но Сатана – не бог, – покачал головой мальчик, – он не приемлет поклонения и жертвы ему не нужны. Жертвы нужны Богу, так он сам говорит.

– Откуда ты знаешь? – возмутился колдун. – Без году неделя, а поучаешь!

– Как мне не знать, – мягко произнес Магик, – когда я из древних душ и помню тысячи своих воплощений в людях, животных, птицах, даже насекомых!

Колдун изумленно разинул рот.

А Магик продолжал:

– А ты служишь черные мессы!

Устало присев на краешек табуретки, Магик сказал:

– Все это игрушки для ищущих, для так называемых сатанистов и неплохая ширма для жизни настоящих ангелов Сатаны, по тем или иным причинам, очутившимся посреди людей. Я вижу, ты не сатанист и до ангела тебе далеко, так зачем же ты служишь мессы, зачем совершаешь жертвоприношения?

– Хочу добиться милости от Хозяина, – прошептал колдун, потрясенный речью мальчика.

Магик задумался:

– Неправильное решение, на самом деле тебе достаточно будет лишь мысли и желания. Ангелы Сатаны очень собраны, дисциплинированы и решительны. Колдуны и ведьмы им необходимы, это правда, но необходимы лишь в качестве кандидатов в малые войска.

– А как же сила? Как же заклинания, передающиеся по наследству, из уст в уста, как же месть недоброжелателям? – не сдавался колдун.

– Сила дана не для того, чтобы погубить род человеческий, это сказки христосиков, – отмахнулся Магик, – побасенки глупых верующих!

И продолжил:

– Людьями занимается горсточка ангелов с одной стороны и горсточка ангелов с другой. Люди жалуются на происки бесов, но при ближайшем рассмотрении, воображаемые бесы всегда оказываются мстительными призраками или мерзопакостными, которые были колдунами и ведьмами при жизни, но опустившись до уровня людей, то есть, застряв в болоте этого мира мести и злобы, умерев, они принялись бегать от Хозяина, превратившись в вампиреньшей, сосущих жизненную энергию в качестве пищи. Питаться-то им чем-то надо! Вот почему, живые испытывают суеверный ужас перед мертвецами! Мертвецы тоже едят, но пожирают они энергию живых, если мертвецов вовремя не выгнать на тот свет, где создан другой мир, мир для тех, кто обнажен, кто – душа!

– Но в церкви отпевают мертвецов! – попытался возразить Магику колдун.

– Церковь ничего не дает, – категорически отрезал Магик, – да и не могут священники ничего сделать, силы нет, а у кого из предстоящих Богу сила есть, сразу сбегают.

– Куда?

– В скиты, закрытые монастыри, куда угодно, лишь бы подалеже от этой напасти!

– Трусy! – горячась, воскликнул деревенский колдун.

– Да, – согласился Магик. – И всегда празднуют труса, сражаются с сумасшедшими призраками и мерзопакостными, в основном, ведьмы.

– Почему, ведьмы, а как же колдуны?

– Потому что, ведьмы – женщины, по природе своей они понимают умерших людей, сочувствуют им и, проявляя благородство, даже ратуют за иных мерзопакостных, заступаясь за них пред Сатаной.

– Сбереги меня Сатана, чтобы я мог послужить тебе в этом и другом мире тоже! – суеверно начертив в воздухе пентаграмму, произнес колдун.

Свою необыкновенную проницательность и знания, присущие скорее взрослому и чрезвычайно образованному человеку Магик ни от кого не скрывал. Родители его пребывали в шоке, не уставая удивляться на странного ребенка, особенно сильно поразило их откровение о скорой гибели...

Мать Магика, молодая женщина тридцати пяти лет, после откровения сына, произнесенного спокойным и рассудительным тоном, так и не смогла заснуть, проворочавшись с боку на бок добрую половину ночи, наконец, встала и на цыпочках, стараясь не разбудить сына, прокралась на кухню. Кухня в ночную пору выглядела чужой, сквозь тюлевые занавески лился мертвенный свет одинокого уличного

фонаря, и у нее сжалось сердце при воспоминании. Воспоминание привело ее к медленному звучанию одного из тех вальсов, которые так любил напевать ее супруг и отец Магика. Всего шестнадцать лет назад, влюбленные друг в друга, они сидели на этой самой кухне и, уплетая праздничный ужин, обсуждали свадьбу. После свадьбы в упоении восторга иногда полуночиали, коротая время возле холодильника. А с рождением ребенка ночные посиделки на кухонном пространстве прекратились вовсе, она уставала от возни с малышом и домашних хлопот, он от сверхурочных и дополнительных заработков на тракторных работах, которые вынужден был набирать, чтобы прокормить семью.

Сын рос быстро. В два года он уже всю помогал ей, гармонично вплетаясь во все домашние дела. Был серьезен и не улыбочив. Мать замечала странное, когда сын помогал соседским старикам обрести здоровье, когда и ей он оказывал помощь, просто наложив руки на скованную болью поясницу, радикулит – бич всех деревенских жителей привыкших кланяться земле-матушке не являлся исключением и для матери Магика. Боль моментально уходила, не оставив по себе даже воспоминаний.

В школу сын пошел с великой неохотой. На уроках скучал, зевал и засыпал, но при окрике учителя, всегда четко излагал не только устное объяснение педагога, но и дополнял его такими невероятными фактами, что у учительского состава начальной школы от удивления округлялись глаза. Магика

нарекли гением, принялись переводить из класса в класс, так за один год он переступил три класса, а поступив в четвертый, мигом осознал, что мог бы учиться и в пятом, но тут и сам сообразил, что маловат ростом и посреди рослых одноклассников будет выглядеть белой вороной. И потому затормозил, спрятав свои таланты от жадных, ищущих взоров педагогов желающих прославиться за счет гениального ребенка.

Отец Магика был прост душой, наивен и неприхотлив. Искренняя светлая улыбка всегда озаряла его лицо, он был любим и сам любил. Сына обожал и не верил в его сверхспособности. Магик был для него самым лучшим, самым, самым ребенком на свете. И потому на все замечания жены он только рукой махал и смеялся, удивляясь на глупости, которые говорит вроде как не сумасшедшая жена. В конце концов, он решил встряхнуть семью, разогнать смертную тоску, поселившуюся после откровения Магика в сердце жены, купил путевку на Черное море, откуда оба родителя так и не вернулись, пропав в ужасающем реве урагана. И Магик впервые пережив нападение ангелов Бога, вернулся домой один. Ребенок пятнадцати лет не может жить один и потому, не без помощи сельской общности, не без вмешательства школьных педагогов, Магик и оказался в интернате, откуда был забран приемными родителями.

Сказать, что он не переживал смерть настоящих родителей – ничего не сказать. Конечно, переживал и определив их

на покой, в Сады смерти, как известно имитирующие рай, решил попытаться разобраться с происками ангелов, справедливо рассуждая, что этот мир и без того тяжел для жизни, зачем же еще нагнетать, зачем нападать, зачем вмешивать людей в битвы ангелов? Зачем?!

Щит

Два мужика, светлым днем, в городском парке заняли всю скамейку, расстелили газету, устали бутылками с портвейном. Выпивали. Закусывали сушеной воблой, вели неспешный разговор.

И тут мимо них проследовала женщина, разговор, да что там разговор, забылось даже такое святое дело, как выпить, потому как... На ней была юбка сшитая из нескольких шерстяных платков, кофта мало чем отличающаяся от юбки дополняла необычный наряд. Копна седых волос покрывала плечи. Руки и пальцы, унизанные серебряными браслетами и перстнями с крупными камнями, просто ослепляли, украшения сверкали на ярком солнце и придавали неизвестной даме еще более экзотичности.

Один из алкоголиков взглянул на ее ноги и вздрогнул, протирая глаза, на мгновение ему почудились копыта.

– Как на ходулях ходит! – кивнул алкоголик, зачарованно глядя на ярко-рыжие туфли незнакомки.

Туфли были на огромной платформе.

– Точняк! – согласился его собутыльник, также не сводивший глаз с экстравагантной незнакомки.

В этот момент она обернулась и оба алкаша замерли, потрясенно глядя в ее лицо, а затем рухнули со скамейки, на землю, без сознания.

– Ненавижу пьяниц! – прошипел Алексашка, полностью
страхивая с себя щит и превращаясь в обычного мальчишку.

Мила с Кокой хохотали невдалеке, они видели всю сцену.

– Ну что, Алексашка, понял теперь, как влияет щит на людей? – задорно прокричала Мила, будучи под щитом великолепной блондинки.

– Теперь бы узнать, как он влияет на ангелов, – пробормотал Алексашка.

– Они тебя примут за другую! – хохотала Мила.

– Теперь бы Коку обучить!

– Я не обучаем, – не согласился Кока, – и вообще, за мной ангелы не охотятся!

– Ты что? – удивился Алексашка. – Разве не знаешь?

Кока взглянул заинтересованно.

– Это, как семейное проклятие, распространяется на всех, кто попадает в орбиту нашей семьи. Заставляет страдать людей абсолютно не причастных к проклятию! Заражает тех, кто просто проявляет сочувствие нам!

– Ничего себе, – удивился Кока и весело взглянув в глаза Милы, добавил, – но я готов помучиться, за Милу, хоть в огонь, хоть в воду!

– Благодарствую! – благосклонно улыбнулась ему Мила.

– Ну что же, – раздумчиво протянул Алексашка, – щит я освоил, теперь начну искать магика!

– Кого? – хором воскликнули Кока и Мила.

– Того, кто может дать бой ангелам, кто заступиться за нас

сможет! – терпеливо объяснил Алексашка. – Или вы собираетесь всю жизнь прятаться за щитами, не иметь собственной жизни и бояться любого стихийного бедствия? А магик нам поможет, я знаю!

Уверенно кивнул он и с вызовом поглядел в высокое чистое небо...

Богдан

В детстве Богдан жил у деда, в обучении. Дед шаманил, был в сговоре с духами природы и политкорректен с ангелами Сатаны.

– Мы им не мешаем, а они нам не мешают, – говаривал он.

Богдан рос мечтательным мальчиком, дед приручил его слушать невероятные сказки, которые даже в книжках не сыщешь. Дед знал прорву всяческих легенд и Богдан частенько играл, воображая себя героем той или иной дедовой сказочки, вот и тут, он выбежал во двор.

Снежинки мелькали в тусклом свете уличного фонаря, падали ему на ладонь, почти мгновенно таяли. Рука ооченела от холода и Богдан нехотя нацепил варежку. Запрокинул голову кверху, выдохнул, увидел, как белые клубы его дыхания окутывают падающие снежинки и будто бы затормаживают их падение.

– Ага! – торжествующе рассмеялся он. – Я хладный дракон, мое дыхание ледяное, всех застужу!

И помчался, порыкивая и пофыркивая, напугал стаю ворон, обедающих чьим-то батоном, наверняка выпавшим из продуктовой сумки. Вороны недовольно каркая взлетели кверху, а пропустив мальчика-дракона немедленно вернулись обратно, к своему занятию.

Между тем, Богдан мчался дальше, по улице, воображая

себя огромным, страшным, с хвостом и такими лапищами, что ого-го! Расправив воображаемые крылья, Богдан решил взлететь к небу и тут наткнулся на живую стену. Ощупал, медленно приходя в себя, не веря и вглядываясь в роговые пластины, заметил, что стена дышит. Поглядел назад, увидел фонарь с тусклым светом и стаю ворон, поглядел вверх, разглядел большущую голову, увенчанную остроконечными рогами.

– Ах! – отшатнулся он и сел на землю.

– Что не нравлюсь? – насмешливо произнес кто-то, у него в голове. – Между тем, я дракон!

– С ледяным дыханием? – машинально переспросил Богдан.

– С ледяным, – подтвердил дракон.

Богдан моргнул, открыл рот, снова закрыл.

– А откуда ты?

– Ты позвал! – тут же заявил дракон и склонил голову, разглядывая мальчика. – Хочешь, покатаю?

Что-то в голосе дракона Богдана насторожило, и он замотал головой.

– Ну как хочешь, – произнес дракон с обидой в голосе.

Тяжело топая, он отошел, развернул крылья и взлетел. Богдан смотрел, разинув рот. Дракон гордо продемонстрировал себя. Огромной тенью пронесся он над мальчиком и вернулся, смиренно усевшись наподобие человека, с любопытством рассматривая Богдана:

– Скажи мне, – начал дракон, – ты на самом деле существуешь?

– Это я у тебя хотел спросить! – возмутился Богдан. – С языка снял!

– А люди вкусные? – продолжал расспрашивать дракон.

– Не знаю, не пробовал, – отрезал Богдан и пока дракон не задал новый вопрос, выпалил вслух, – откуда ты? Где живешь? Как тебя до сих пор не заметили?

– Заметили, – задумчиво повторил дракон и облизнулся, – я бы тебя попробовал, но ты, кажется, нашего роду, а?

– Какого еще роду? – повторил Богдан, недоумевая.

– Ты колдун! – веско сказал дракон. – Я это всем нутром чую!

И продолжил, весело улыбнувшись и показав острые зубы:

– У нас тоже есть колдуны, но немного, совсем немного. Колдунов боятся. Они творят невозможные вещи, а еще, – перешел он на шепот, – колдуны добровольно присоединяются к войскам Сатаны!

– Ну и что в этом страшного? – не понял Богдан.

– Не знаю, – честно признался дракон и рассмеялся, – мне и так хорошо!

– А ты колдун? – спросил Богдан.

Дракон повалился на спину, задирая к снежному небу толстые лапы. Он хохотал:

– Ой, уморил, колдун! – и сел, – я смотрю, ты не в курсе, как должен вести себя настоящий колдун!

– Ну? – с обидой в голосе воскликнул Богдан.

– Колдун должен соблюдать дистанцию, вести себя осторожно с теми, кто не является колдунами, должен контролировать свою силу, а не то, результат будет плачевным! – важно, будто по заученному тексту, проговорил дракон.

– Почему? – прошептал Богдан, вспоминая житие своего одинокого деда.

– Да, потому что ненароком ты можешь рассердиться и поразить смертью себе подобного, – рассердился дракон, – как ты можешь этого не знать?

– Я только учусь.

– А, так ты еще маленький! – понял дракон. – А взрослые у вас толстые?

– Есть и худые! – машинально, думая о своем, отозвался мальчик.

– И эти толстые достигают хотя бы до моего подбородка? – с надеждой, заглядывая в глаза Богдану, продолжал допытываться дракон.

Богдан посмотрел, дракон был высок, очень высок, ростом приблизительно с пятиэтажный дом. Теперь настала очередь Богдана смеяться, повалившись на спину.

Дракон ждал, пыхтя от обиды. Наконец, Богдан смог произнести:

– Люди маленькие, самый высокий человек на Земле, мне кажется, едва тебе до коленки дотянется!

Дракон разочаровано фыркнул:

– И как вы живете? Маленькие, худые и толстые, планета у вас не обжитая, повсюду дикие леса и выжженные солнцем пустыни, груды мусора, грязные реки и озера. Я в океане поплавать хотел, так все лапы и крылья мгновенно черной пленкой покрылись, еле очистился! – пожаловался он.

– А ты, разве не с нашей планеты? – удивился Богдан.

– У нас мир, – мотнул головой дракон, – огромный, просторный, чистый, с вкусной водой, скажи, у тебя есть вкусная вода, очень пить хочется?

– Пойдем! – поманил его за собой Богдан, думая о колодце, за деревней.

Колодец соорудили давным-давно, для усталых путников, что имеют свойство передвигаться, как правило, в летние и осенние месяцы, кто с дальних огородов, кто из лесных зарослей с полной корзиной ягод, кто с пашни, кто из соседнего городка. Да, мало ли кому мог понадобиться глоток чистой воды! Вон, хоть тому же дракону!

Схватив ведро, и нетерпеливо бросив его в темную глубину колодца, дракон торопливо завертел колесо. Цепь со звоном наматывалась на барабан, быстро вытаскивая ведро полное воды. Дракон выпил одним духом и бросил ведро опять. Прodelав так раз двадцать, наконец, напился:

– Маленькое ведро! – подытожил он. – И все-то у вас маленькое!

– Маленькое, толстое и худое! – подхватил Богдан.

Оба засмеялись.

Дракон протянул Богдану лапу:

– Ну, будем знакомы, колдун, как тебя зовут?

– Богдан!

– Хорошее имя, – кивнул дракон, мигом расшифровывая, – богом данный и колдун? Смешно!

В раскрытой лапе дракона лежала горсть сверкающих камней:

– Люблю я камни, – доложил дракон, – ты мне понравился, тебе и дарю!

И насыпал к ногам Богдана целую горку удивительных камней.

– Ух, ты! – по-мальчишески задорно вскрикнул Богдан. – Какие красивые!

Дракон, любуясь на восторг мальчика, вздохнул, подпер щеку лапой и глядел, с умилением.

– Можно я себе оставлю хотя бы один камушек? – попросил Богдан, вертя в руках синий сапфир.

– Дарю, я же сказал, все дарю! – развел лапами, дракон.

И встал, прощаясь:

– Ну, пока, может, когда и свидимся!

– Ты прилетай! – попросил Богдан. – Мы с тобой поиграем!

Дракон с удовольствием рассмеялся:

– Нет, уж ты прилетай, когда уйдешь из этого мира!

– Куда? – не понял Богдан.

– К нам, ко мне, хладному дракону, буду рад тебе, юный

колдун, всегда и во все времена!

И он, развернув огромные крылья, впрыгнул в воздух, пролетел над самой головой мальчика:

– Буду ждать, Богом данный колдун!

– Я прилечу! – восторженно прокричал вслед хладному дракону, Богдан.

Нападение

Ему снилась тишина. Беззвучно плыли по голубому океану неба белоснежные облака, высоко, над горами парили орлы и проскальзывали сияющими искрами боевые корабли.

Мир выглядел таким безмятежным, надолго ли? В памяти его еще живо бушевали пожары страшных битв с ангелами, когда его покой нарушили.

Кто-то тряс Магика за плечо:

– Сынок, в школу пора!

Он открыл глаза, с трудом возвращаясь в действительность.

Приемная мать беспокоилась о нем:

– Зачем мне в школу? – строго спросил Магик, заглядывая в самую глубину ее души.

– Ну, как же, – пролепетала она, теряясь, – образование. Все дети в школу ходят!

– Я – не все! – напомнил он ей и встал. – Некогда мне заниматься вашими глупостями! Обучение должно быть мгновенным, а не длиться десять, а то и больше лет!

Вихрем пронесся до ванной, после, к шкафу переодеться и выпрыгнул за перила балкона, в воздух.

Мать улыбалась, провожая потерянным взором стремительно удаляющуюся фигурку сына.

В комнату заглянул муж и приемный отец Магика:

– Опять? Наш гений упорхнул? – коротко спросил он.

Она машинально кивнула и разразилась слезами. Рыдая, кинулась к мужу:

– Ну, почему, мы? – потрясенно шептала она, цепляясь за мужа. – Мы ведь самые обыкновенные люди.

– Наверное, поэтому, что, обыкновенные! – успокаивая ее, сдержанно вздохнул муж.

– Кто он? Может, бог? – дрожала она.

– Может! – задумался он.

И встряхнул ее:

– Прекрати плакать! Если наш сын – Бог, то так тому и быть, и тем более надо помочь спасти наш мир от нас самих, надо быть стойкой, понимаешь?

– Понимаю, – плакала она, – но я так устала и я вовсе не Богородица!..

Обнявшись, они вышли на балкон посмотреть в пустые небеса, приемного сына нигде не было видно.

Магик, тем временем, рассекал воздух далеко, вдали от дома своих приемных родителей. Когда позади кто-то объявился. Зашел справа и просто прилип едва ли не вплотную приблизившись к телу мальчика. Невидимый. Но Магик быстро стащил щит с невидимки. Его преследовал служка смерти:

– Зачем летишь за мной? – строго спросил Магик.

– Приказ! – кратко ответил служка, не отставая.

Магик, понимая, что явление служки не случайно, зор-

ко взгляделся в пространство и сразу углядел нетерпеливую толпу мерзопакостных. Мерзопакостные бросились без предупреждения, но, недолго думая Магик подтянул и открыл двери в короткий туннель, ведущий в покои Сатаны. Влетел. Мерзопакостные, улюлюкая, предчувствуя пиршество, когда столько молодой неизрасходованной энергии достанется им, не разобрались, последовали за своей жертвой.

Сатана был Дома. Одним движением, он обезвредил мерзопакостных, просто смахнул их в геенну, где огненные бесы радостно приняли свеженьких грешников. Притянул юного гения. Заглянул в глаза:

– А, древняя душа! И охота тебе дурью маяться, – узнал он его, легонько щелкнул по носу.

Кувыркаясь, Магик вылетел из туннеля, обратно в небо Земли. Служка исчез, оставив мальчика жить, как видно, Магик с честью выдержал испытание смертью.

Отряхнув пыль нездешнего мира, и вздрагивая от прикосновения Сатаны всегда схожего со смертью, пытаясь избавиться от воспоминания о пристальном взгляде Владыки Мира, Магик упрямо продолжил свой путь. Направлялся он в Туву, где, по его мнению, горели ярким пламенем души древних воинов способных выволочь этот мир из мрака духовной нищеты к свету собранных высокоразвитых душ...

Телепортация

Кока быстро учился и сам учил. Ах, как ему нравилось обучать Милу!

Он восхищался Милой и совершенно не замечал ее превращений. Кока видел душу девушки, а не ее внешнюю оболочку. Такое качество присуще скорее женщинам, нежели мужчинам. Однако, Кока владел именно таким даром и был безмерно счастлив, что его невозможно обмануть ни щитом, ни ведьмовскими чарами, ни похвальными речами с грамотами и медалями, он видел самую суть человека. На Милу он глядел не дыша да и было на что посмотреть. Блестящие крылышки за спиной, густые длинные ресницы, вот только портило впечатление выражение лица. Смотрела девушка надменно, свысока. Так смотрят короли и тщеславные дураки, в данном случае, дура, если только не королева.

– У тебя в роду цариц не было? – спросил Кока.

Мила удостоила его презрительным взглядом и отвернулась, не желая поддерживать разговор.

– А вот у меня были! – и Кока скорчил насмешливую гримасу в ответ на ее поворот головы и повышенное внимание. – Ваше, преваше, заваше величие!

Заблеял он.

– Шут! – бросила Мила, встала, шурша юбкой и перешла в соседнюю комнату, выступая так горделиво, будто перед

ней были не подростки, а по крайней мере коленапоклоненные вельможи.

Алексашка, наблюдавший всю сцену, сотворил из воздуха большой букет алых роз:

– Мила!

Она выглянула и обрадовалась, поймав брошенные братом цветы:

– Красивые! – кивнула благодарная, снова скрываясь в соседней комнате.

– Откуда ты взял букет? – изумился Кока.

– Украл! – покраснел Алексашка. – Из цветочного магазина.

И он подошел к окну:

– Видишь, как близко?

Кока поглядел:

– Принципиально, чтобы близко?

– Быстрее телепортируешь, – согласился Алексашка.

– Долго тренировался? – завистливо вздыхая, осведомился Кока.

– Всю жизнь! – кивнул пятнадцатилетний Алексашка и сощурился. – Но и у тебя способности, дай бог каждому!

Кока немедленно взмыл под потолок, быстро обогнул люстру и с победной улыбкой встал перед Алексашкой.

– Не надо обольщаться! – нарочито строгим голосом произнес Алексашка. – Хамелеон из тебя не очень получается.

Кока упрямо мотнул головой и в мгновение ока обратился

в сторбленную, морщинистую старуха. Старуха вышла идеально, проковыляв в соседнюю комнату, Кока умудрился напугать ничего не подозревающую Милу.

– Разойдись! – прокричал, смеясь и оттаскивая раздраженную Милу от Коки, Алексашка. – Обещаю телепортировать нам шикарный ужин!

– Из Рио-де-Жанейро! – все еще сердитая, потребовала Мила.

– Почему из Рио-де-Жанейро? – опешил Алексашка.

– Я так хочу! – отрезала Мила.

Вместе они освободили большой стол в гостиной и Кока, обернувшийся прежним молодым человеком встал с краю стола, на всякий случай.

Случай скоро представился. Тарелки и блюда с изысканными яствами вылетали из воздуха подобно ракетным снарядам, Коке пришлось максимально убыстриться, чтобы словить все.

Мила смотрела с издевкой на метания Коки, но ни в чем ему не помогла.

Алексашка телепортировав пятьдесят блюд, наконец, успокоился.

– Ограбленные станут переживать? – сухо осведомилась у брата Мила, с сомнением оглядывая переполненный стол.

– Не-а, – лукаво усмехнулся Алексашка, – все блюда приготовлены для огромного количества свадебных гостей, там даже не заметили пропажу, я проверял!

Удовлетворенная ответом брата, Мила, без лишних слов, уселась за стол, но только приступила к трапезе, облюбовав мясную запеканку на красивой позолоченной тарелке, как в квартиру вошли старшие, бабушка Алексашки и отец Милы.

– О! – одновременно воскликнули они.

Эти двое всегда завораживали молодежь. Они синхронно замирали, синхронно поправляли волосы, синхронно говорили.

Молодежь была потрясена удивительной схожестью, которую родственники, по всей вероятности, беззастенчиво заимствовали друг у друга. Недаром, людей долго проживших под одной крышей в мире и согласии, следователи подозревают в соучастии, если, скажем, один из них совершил преступление. Или, если кто-то из родственников склочен, раздражителен, то и на другого, люди смотрят с недоверием.

– И почему так? – усомнился вслух Кока.

– Что? – хором воскликнули отец и тетя Милы.

– Ничего!

– То-то же! – назидательно и совершенно синхронно кивая головами, произнесли родственники, усаживаясь за стол.

Кока исподтишка взглянул на Милу и получил в ответ одобрительную улыбку.

– Пир горой! – довольная, что не надо готовить, заявила бабушка Алексашки и вдруг замерла, глядя в окно:

– Кто это?

Все, разом, развернулись к окну:

– Магик! – облегченно рассмеялся Алексашка, бросаясь открывать. – Нашел нас, какое счастье!

Дракон

Всю свою жизнь Богдан жил воспоминанием о встрече с хладным драконом. Возмужав и войдя в силу, он выяснил о драконах практически все. Вызнал, что они ушли с Земли очень и очень давно, потому как для них, на голубой планете было слишком мало места. Владыка мира организовал для них огромный и прекраснейший мир, полный суровых гор с заснеженными вершинами, глубоких озер с хрустально-чистой водой и широких бурных рек, где драконы любили охотиться за жирной рыбой. Что и говорить, эта рыба превышала человеческий рост, в два, а то и в три раза! На заливных лугах мира драконов паслись стада буйволов и разных диковинных животных, о которых у нас слагают легенды и сказания. Люди не верят в драконов, как не верят сами драконы в существование людей. Люди, какие они? Маленькие, толстые и худые!..

Богдан пытался прорваться в мир драконов, посылал своего энергетического двойника, изнемогал в поисках и попытках продвинуться туда, куда не позволительно было совать нос даже колдуну. И, когда уже отчаялся, понял, что услышан.

Среагировал дракон-колдун. В одно мгновение, притянул он Богдана к себе и заглянул в самую душу. В глубине кошачьих глаз дракона плясали искры интереса. Дракон не стал

меряться силой с человеком-колдуном, он был выше этого, но поняв, кто ему нужен, испустил вздох облегчения:

– Ах, ты, успел подружиться с одним из наших?

– Да, – выдохнул Богдан, изнемогая под немигающим взглядом дракона-колдуна.

Хладный дракон прилетел быстро. Прошел через портал, из которого и вылез дракон-колдун и, откланявшись со своим собратом, растопырил лапы:

– Ты пришел! – но тут же изменился в лице (морде), – так ты не умер?

Печали его не было предела. Дракон уселся, горестно подывая:

– Зачем меня разочаровал?

– А, если умру, что тогда изменится, – возразил Богдан, – людей к вам не пускают!

– Ну, какой же ты человек! – махнул он лапой. – Когда, из тебя знатный дракон получится!

– Как так? – не понял Богдан.

– Переделать тебя пара пустяков, – оживился дракон, – я бы прямо сейчас приступил, но боюсь, не потянешь ты, пугать всех начнешь.

– Огнем буду дышать, что ли? – насмешничал Богдан.

– Не-а, – отмахнулся дракон, – я не дышу огнем и ты не будешь!

Богдан кинулся к дракону, обнял, как мог:

– Какая радость! – всхлипнул он. – Ты не представляешь!

– Что такое? – всполошился дракон.

– Трудно жить, не зная своего будущего, – пояснил Богдан, – я ведь старый, в своем мире старый.

– Ну да, – не поверил дракон, – недавно был маленьким.

– Но не толстым, – рассмеялся сквозь слезы Богдан.

– Не плачь, – посерьезнел дракон, – я к Сатане пойду, он разрешит забрать тебя раньше времени.

– Благодарю, – поклонился Богдан.

С тем они и расстались. С тем Богдан и обратился к своим товарищам по несчастью, а вдруг хладный дракон способен помочь не только одному Богдану, но и другим? Спрашивал он, но друзья его стойко молчали. Старуха, сестра Богдана отводила взгляд, молодежь обдумывала небывалое событие – встречу дракона и человека.

– Как же он проник в наш мир? – недоумевал Алексашка.

– Через портал, наверное, – пожал плечами Богдан.

– Дракон, – мечтательно произнес Магик, – хотел бы я стать драконом, сильным, независимым созданием, свободным, как само небо!

– Да, – вздохнул старый колдун, – но возможно ли такое на деле?

– Я не слышал, – тут же кивнул Магик.

Старуха замотала головой.

– А, может, попросить, – робко вмешался Кока.

– У кого? – разом воскликнули все присутствующие.

– У дракона-колдуна, – высказал свою мысль вслух Ко-

ка, – авось, он пойдет нам навстречу и ангелы перестанут нас страшить!

– Отстанут, факт! – кивнул Магик.

– Перестанут преследовать, – подтвердил Алексашка.

– Но, как это сделать? – вмешалась тут Мила. – Вы сможете до него добраться?

– Попробуем! – опять разом воскликнули все присутствующие.

Гении

На улице было прохладно. Пар вился из ноздрей и рта, не стойким туманом задерживаясь ненадолго у лица, и тут же растворялся бесследно.

Магик вздрогнул от холода, класнул зубами и притянул дверь, ведущую в преисподнюю. Вышедшим за ним на утренний холод колдунам ничто не угрожало. Потoki теплого воздуха из приоткрытой двери так и накатывали, согревая и приободряя. В преисподней всегда плюс пятьдесят шесть градусов по Цельсию.

– Интересно, кто же туда лазал с термометром? – высказался вслух Алекшшка.

Ответом ему стал смех и слова Магика:

– Никто! Просто – это известно и все!

Бабушка Алекшшки тут же вмешалась и пока они все двинулись в заданном Магиком направлении, поведала молодежи одну историю из своей жизни.

Еще летом она почуяла неладное, в воздухе пахло такой стужей, что руки коченели. Быстро сообразив, что в привычной обстановке квартиры не выживешь, бросилась в деревню, к старому отцу.

Отец, выслушав ее сбивчивые объяснения, с пониманием кивнул, все-таки, он был колдуном и разрешил действовать во спасение семьи. И она принялась за дело.

В ход пошли все денежные накопления и скоро дом по самую крышу оказался забит съестными припасами, а оба сарая заполнены дровами. Для комнат и кухни были куплены шерстяные ковры, призванные сохранить тепло. Кроме русской печи, которую отец любовно называл «матушкой», она приобрела еще и военную печку без дымоходной трубы, которая также работала на дровах.

Осень подошла быстрее быстрого. Зима пришла в октябре, до Покрова. Еще не облетели листья с деревьев, еще кое-где виднелась зеленая трава, но уже замело, завывало, облепило снегом провода.

У нее было заготовлено несколько керосиновых ламп и в сарайке закопаны две бочки керосина.

Провода под тяжестью снега, в конце концов, оборвались, свет погас и они зажгли одну лампу.

– Экономить надо! – кивнул отец, выглядывая в окно, он видел сквозь хлопья летящего снега огни керосиновых ламп в окнах других изб.

– Ишь ты, соседи достали керосинки, – прокомментировал он, – а еще бают, цивилизация, технократия, которая перевернет мир, а тут, на-ко, непогодь и куда делась цивилизация? Правильно! Ко всем чертям!

В последующие дни, отец скептически морщился, выслушивая панические новости о непрекращающемся снегопаде и как следствии, заносах на дорогах и многочисленных авариях.

– Накупили автомобилей, нелюди, а после не знают, как проехать, – бормотал он себе под нос.

Вслед за ветродуем и снегопадом наступила тишь. Звезды высыпали на небе. Мороз крепчал. За одни только сутки столбик термометра опустился ниже двадцати градусов. В городе опять началась паника, лопались старые, выслужившие свое, трубы. Целые районы замерзали. Температура, между тем, опускалась. Ниже тридцати, ниже сорока. Дом трещал, обе печи топили и, сменяя друг друга, отец с дочерью, поддерживали тепло.

Сквозь замерзшие окна не было видно насколько холодно на улице и радио смолкло. Напрасно отец крутил переключатели, ни один русский канал не вещал, а прочих, зарубежных, маленькое радио осилить не могло.

Так прошел месяц. После миновал второй и в канун Нового года отец откупорив бутылку домашней наливки неожиданно разрыдался:

– Даже президент с праздником не поздравит! – пояснил он испуганной его слезами дочери.

А напившись пьяным, выдал:

– Одни мы с тобой остались, вот придет весна, Россия оттаает, а тут на тебе и прикатят инстервенты, все трупы схоронят, нас с тобой в рабство загонят!

– Куда? – переспросила она.

– На галеры! – сердито отрезал отец и полез на полати спать.

Замечание отца ее встревожило и она беспокойно закурилась возле радио пытаясь поймать хоть один живой голос, но лишь треск и неразличимый шум был ей ответом.

На следующее утро она решилась. Одевалась плотнее, закрыла лицо шарфом, прошла в сени, к входной двери, долго отдирала, дверь сильно обледенела.

Она вышла, прищурилась. Снег под лучами зимнего солнца сверкал и переливался. Ледяные дома вокруг не подавали признаков жизни, дым вился только над трубой их дома. Это отец топил русскую печь и одновременно варил в чугушке гречневую кашу.

Мороз пробирал, ей сделалось холодно, замерзли руки и она вернулась, обратно в сени. Пока она совершала нехитрые действия по открыванию и закрыванию дверей, вся заоченела и вынуждена была прижаться к горячему боку печки, чтобы согреться. На улице она пробыла от силы минуты две-три.

– Ну? – коротко спросил отец.

Она рассказала об увиденном.

На следующий день она сумела добраться до уличного термометра, что висел на оконной раме. Сквозь замерзшие окна, изнутри избы, не было видно значения температуры, но тут, на вольном воздухе она осторожно заглянула и чуть не упала, пораженная. На градуснике было ни много, ни мало, но минус пятьдесят шесть градусов по Цельсию.

Едва добежала до печки, прильнула к теплему боку «ма-

тушки». Выслушав, отец с горечью произнес:

– А в преисподней с точностью до наоборот, всегда плюс пятьдесят шесть. Нам бы чуточку их тепла, чай не обеднеют!

– И как это сделать? – привыкшая к действиям, а не рассуждениям, спросила она.

– А окошки открыть, – оживился отец. – Всего лишь окошки, они и не заметят!

– Владыка заметит! – угрюмо возразила ему она.

– Оправдаемся! – уверенно заявил отец.

В тот же день они открыли одно окошко. Особых усилий для этого не потребовалось, как всегда в таких случаях лишь желание и сосредоточенная мысль.

Луч тепла из преисподней, до которой, как известно, из нашего мира рукой подать, всего лишь полметра, упал на крышу дома. Через час с замерзших стекол уже сползли последние ледышки и обнаглевший от такой роскоши отец, стоя на крыльце, заявил о своем намерении дочери.

– Ты с ума сошел! – испугалась она.

– Не бойсь, прорвемся! – засмеялся отец и в тот же день расширил луч так, что луч накрыл волной тепла всю территорию России.

В январе началась оттепель, ожили растения и те, немногие, уцелевшие люди, похоронив своих замерзших родных, друзей, соседей принялись размышлять, что же делать дальше? Шло время и в Россию понаехали представители южных народов.

Наступила весна. В согревающей энергии тепла преисподней уже не было нужды и отец неохотно закрыл окно, сел на то, что раньше, пока были живы его соотечественники, не додумался отогнать стужу таким простым для любого колдуна способом... Теперь же приходилось пожинать плоды своего безумия, на каждом углу звучала тарабарская речь и орды «черных» заполонили русскую землю.

– Погоди-ка, бабушка, – перебил тут ее Алексашка, – в годы твоей юности был Советский Союз и какие еще инструменты, где они?

Бабушка поправила сползшие на кончик носа очки, тяжело вздохнула, впрочем, не отставая от молодежи ни на шаг:

– История повторяется, Алексашка. И в прошлую цивилизацию, и в позапрошлую был Советский Союз, который распался, и была Россия.

– Ничего себе, – Алексашка даже остановился, – ты помнишь свою жизнь из прошлой цивилизации?

– Все мы помним, – кивнула печальная старушка, – но не все это понимают.

– Пришли! – коротко доложил Магик.

Перед ними высился золочеными куполами и башенками огромный монастырь.

Колдуны, почтительно прижимая правую ладонь к сердцу, поклонились вышедшему к ним высокому седобородому монаху. Под пронзительным взглядом монаха чувствовалась такая сила, что Кока, самый слабый из группы пришедших,

закачался.

Келья монаха не уступала в уюте лучшим комнатам благоустроенных квартир, когда-либо виденных колдунами.

Оклеенная голубыми обоями с белыми облаками, украшенная синими кружевными занавесками, комната создавала иллюзию воздушных потоков. Гости разулись в дверях и босиком перешли на шерстяной палас синего цвета, чтобы присесть на стулья, расставленные вдоль стены. Стулья, обыкновенные, деревянные, тем не менее, были обтянуты голубыми чехлами для мебели. Обстановка комнаты казалась пришедшим изумительной. Конечно, в красном углу присутствовал иконостас, но тут же ширма в тех же голубых тонах, с теми же белыми облаками скрывала постель монаха от взоров случайных посетителей.

У окна стоял большой письменный стол накрытый белой кружевной скатертью. Над столом в два ряда виднелись книжные полки забитые толстыми фолиантами. И на столе, и на полках в изящных вазочках благоухали чудесным ароматом свежие белые розы.

Монах, не долго промолвившись у иконостаса, дал время колдунам оглядеться и прийти в себя.

– А я-то думал, что монахи живут в сумеречных кельях, – шепнул Кока на ухо Миле.

Мила кивнула, подтверждая, что и она также думала.

– Может, желаете потрапезничать? – повернулся к гостям монах.

– Есть освященную пищу, – скривился Магик, – думаю, что не всем присутствующим это придется по вкусу.

Монах понимающе кивнул:

– Тогда к делу!

Магик коротко изложил суть вопроса.

Монах задумался, поглаживая бороду:

– Трудное дело. Но, может, обратимся к старшему демону? Меня тут каждый вечер посещает ведущий моего рода.

– Зачем? – вырвалось у Алексашки.

– Требуется прекратить борьбу, – невозмутимо доложил монах, – негоже служить сразу двум господам и нет колдунам, переметнувшимся от Сатаны к Богу, прощения.

– На что же вы рассчитываете? – продолжал допытываться Алексашка.

– Надеюсь на заступничество Богородицы, – развел руками монах, – только на нее и уповаю!

Тут вступил в разговор Магик:

– Как вы уходите от внимания ангелов Бога?

– Никак, – опечалился монах, – уж больно они прилипучие!

Пожаловался он.

– Но я всеми силами демонстрирую им свой нейтралитет!

– Тогда отстают? – уточнил Магик.

– На время, – кивнул монах, – у них время течет по-другому. И потому выдержав атаку и оставшись в живых, многие колдуны могут прожить в этом мире с десятков лет спо-

койно...

– Но после опять нападут? – заголосил Алексашка, вспоминая недавнее нападение ангелов Бога и убийство людей в черном.

Монах коротко кивнул.

В подавленном настроении, они вышли из монастырских ворот.

– Ну, хватит! – выступил тут из тени ворот, человек в черном костюме. – Гении должны трудиться на благо государству!

– И вы нас защитите от внимания ангелов? – усомнился Алексашка.

Человек в черном смешался, но тут же нашелся с ответом:

– Подумаем! В конце концов и на ангелов можно управу найти!

– Ой, ли, – с сомнением покачал головой Алексашка, но в вертолет полез.

Вертолет такой же черный, как и люди в черном, и такой же непроницаемый, с тонированными стеклами, устремился к аэродрому, где всех колдунов и младших, и старших погрузили на самолет с удобными креслами. Вертолет взял курс на Москву, где в специальном отделе с нетерпением колдунов ожидали ученые и представители государственной службы безопасности. На горизонте собирались тучи и, заслоняя тучи, неслась наперерез самолету огромная тень хладного дракона. Через несколько минут взмокший от стра-

ха пилот посадил вертолет на землю, дракон важно опустился возле.

– Колдуны необходимы правительству России! – пересиливая страх, выкрикнул человек в черном, когда лопасти пропеллера остановились и колдуны выбежали навстречу дракону.

– Обойдется без них ваше правительство! – пренебрежительно махнул лапой хладный дракон. – Из них знатные драконы получатся!

И подставил лапу, чтобы колдунам было удобнее взбираться к нему на хребет.

– Полетели! – весело объявил дракон и ринулся в небо.

Люди в черном отшатнулись падая и в ужасе отползая под защиту более-менее надежного вертолета.

Сильный ветер пригнул наших путешественников к самой коже дракона отчего-то пахнувшей морозной свежестью, но зашкаливающий в крови адреналин позволил Магику привыкшему уже к полетам приподнять голову, чтобы создать щит, окруживший дракона и не позволяющий ветру безобразничать.

– Силен, брат! – восхитился дракон на щит.

– А я летать могу! – похвастался Алексашка, подпрыгнув в воздух, и принялся совершать возле дракона фигуры простого пилотажа – спирали, петли, виражи с небольшими кренами.

Дракон наблюдал с восторгом.

Мила с Кокой взявшись за руки присоединились к Алексашке и ныряя под растопыренными лапами дракона понеслись переворачиваться, стараясь повторить виражи и спирали.

Бабушка Алексашки сдернула платок с головы, космы седых волос упали ей на лицо:

– Эх-ма, где наша не пропадала! – и, пробежав, будто канатоходец, по роговым выступам, уселась у дракона на голове, вцепилась в один рог. Ее действия, в точности повторил Богдан и уселся, захватив другой рог венчающий голову дракона.

Магик, как равный, летел с хладным драконом рядом. Легко прошел через портал и увидел новый для себя мир, где была земля, от горизонта до горизонта, необъятное небо и сверкающее в безмятежно плывущих кучевых облаках, солнце. А еще приветственно машущие им драконы и дракончики, медленно и величественно пролетающие мимо. Магик и им помахал, с удивлением отметив, что машет лапой. Оглянувшись на своих друзей, он увидел возле хладного дракона молодого фиолетового, в котором узнал Алексашку; синего, в котором легко угадывался Кока и розового, конечно же, Милу. В седом драконе он узнал Богдана, а вот бабушка перевоплотилась, не забыв свои очки. Новые очки чрезвычайно походили на старые, только размером превосходили, наверное, все мыслимые и немыслимые очки в мире людей.

– Бабушка, – смеясь, заметил Магик, – а очки тебе зачем?

– Куда же я без них? – заулыбалась в ответ дракони-ха небесного цвета, цвета надежды и направилась к земле, где в лучах сияющего солнца угадывался бесконечный край озер, рек и ручьев.

За ней последовали остальные, к новой земле, к новой жизни.

– Эх, хорошо же! – хохотал Алексашка, совершая невероятные кульбиты в воздухе.

Ему вторили счастливым смехом другие новообращенные, ставшие драконами колдуны. Портал, между тем, закрылся, оставляя хлопоты и тяготы связанные с войной ангелов далеко позади в другом мире, мире людей...

Воины Сатаны

1

Роберт проснулся, лежа над кроватью, опорой ему служил воздух, и только воздух.

Нисколько не удивившись, он мягко перевернулся со спины на живот, протянул руки и испытанным движением ухватился за спинку кровати. Кровать была надежно привинчена к полу. Роберт напряг мускулы, играючи подтянув непослушное тело, спустился вниз. Как всегда минут пять адаптировался к земному притяжению, ему прямо-таки слышалось напряженное звучание тумблеров переключающихся в мозгу. Наконец, ощутив долгожданную тяжесть в теле, он вдохнул полной грудью, широко улыбнулся и пошел исполнять повседневные обязанности, как-то: мыться, бриться, завтракать и наконец, натянув спортивный костюм вывалиться на улицу, совершать спортивную пробежку.

Двигался Роберт хаотично. Мог, пробегая по тротуару в какой-то момент резко схватить за пушистый хвост прогуливающегося кота; задорно крикнуть, вспугнув с черных гнезд на деревьях стаю сердитых ворон; врезаться в толпу сонных работяг, пробирающихся к своим фабрикам да заводам. Для него победой, одинаково, было и сорвать поце-

луи с уст незнакомой девушки, которую он догонял на улице, хватал за плечи и бесцеремонно целовал со смехом, несмотря на сопротивление и также победой он считал возможность одолеть в драке сразу нескольких бугаев, почти равных ему по силе.

И хотя Роберту перевалило далеко за пятьдесят, выглядел он настолько молодо, что даже совсем молоденькие девушки оглядывались на него, с любопытством и одобрением охватывая взглядами ладную его мускулистую фигуру.

Он даже ходил как-то не так, не так, как все люди. Походка его была непринужденной, но в каждом шаге чувствовалась какая-то скрытая пружина, точно он готов был в любую минуту подпрыгнуть и взмыть под облака.

Служил он в отряде специального назначения. Сложность государственных заданий, которые он выполнял, страшное напряжение связанное с работой требовали разрядки. И Роберт, не желая опускаться, как некоторые его сослуживцы, до уровня обыкновенного пьяницы, пускался в детские забавы. Пьянство он не одобрял, мог выпить, конечно, и пил по праздникам, но в целом, употреблял разве что кефир...

В свободное время, в дни отдыха он бегал наперегонки с соседскими детьми и гонял мяч. Он прыгал не обращая никакого внимания на вопросительные взгляды прохожих со скакалкой и нередко проигрывая более ловким поскакушкам, расстраивался и горячился, ругаясь и споря, а потом снова скакал, чтобы проиграть. Дети принимали его, как рав-

ного себе, потому как он был искренен с ними, они понимали, что он нуждается в их обществе.

Часто, играя с детьми, Роберт заливался таким долгим смехом, что едва мог устоять на ногах и, пошатываясь, вытирал невольные слезы скатывавшиеся прозрачными капельками из уголков глаз на его щеки. А потом уклонялся от усилий своих маленьких друзей напугать его, чтобы сбить икотку, которая всякий раз после продолжительной смехотерапии неудержимо мучила его. И, чтобы подавить икоту, ему надо было выпить одним духом целый литр воды.

Дети любили Роберта. Он был среди них совершенно своим. И, когда он висел вниз головой зацепившись ногами и руками за перекладины лестницы сооруженной во дворе школы, рядом с другими спортивными снарядами, они всегда рассматривали его, не скрывая своего восхищения.

Они видели его блестящие, насмешливые глаза и презрительную улыбку. Видели угрюмые тени, изредка омрачавшие его лицо. И стремились отвлечь его от тяжелых мыслей привнесенных сюда, на детскую площадку его работой.

Тогда только и слышалось: «Роберт, посмотри!», «Роберт, заметь, каким я стал!»

Мальчишки неустанно демонстрировали перед ним свои мускулы и свои умения, а девочки соревновались в стремительности и ловкости. Детвора лазала и скакала, и Роберт зажмурился от обилия света бьющего, как ему казалось, из самих глаз ребятни.

Они обожали его и стремились быть на него похожими. Роберт был их кумиром.

Даже взрослые, родители детей было напрягшиеся в отношении всей этой ситуации, когда взрослый мужик скачет посреди школьников будто маленький, смотрели на увлечение ребятни с одобрением. Роберт отвлекал их от скуки и, стало быть, от пьянства и наркомании. Роберт увлекал их спортом, а стало быть, здоровым образом жизни.

Дети после знакомства с ним будто просыпались и начинали лучше учиться. Учителя не могли нарадоваться и в ответ на причину такой успеваемости всегда слышали одно:

«Это понравится Роберту!»

Некоторые взрослые думали, что Роберт – герой какого-нибудь комикса и, заглядывая в газетный ларек сводили с ума киоскершу требованием подать им журнал. Бедная киоскерша заводила глаза к потолку своего ларька и клялась, что такого героя нет и никто не рисует картинок с его подвигами.

«Безобразие!» – сердились взрослые, желая знать, чем и кем увлекаются их чада, а не получая искомого, впадали в депрессию. Плохо иметь в семье подобного взрослого, он всегда сует свой нос, куда не следует и преследует, прячась за углами домов, используя любые кусты в качестве щита, свое дитя, куда бы оно ни направилось. И, если речь пойдет о любви, такой взрослый досконально выследит, где живет возлюбленная чада и какая у нее семья, плохая или хорошая.

Подобный взрослый дотошно, на кухне, распишет на листке, все минусы и плюсы от общения дитяти с нею и даже заглянет вдаль, в возможную свадьбу и ее последствия в виде маленьких чадосят. Речь о свадьбе заводится у такого взрослого всегда, даже, если внуку едва исполнилось десять, а его подруге девять лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.